

А.В. Кочнев

ПРОБЛЕМЫ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XVIII в. СО СТРАНАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ «В БУХАРИЮ И В ПРОЧИЕ ГОРОДА ИЛИ ПРОВИНЦИИ К НЕЙ ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ, КАКО Ж В ХИВУ И ДРУГИЕ МЕСТА»

Статья посвящена начальному периоду торгово-экономических взаимоотношений Российской империи и Азиатских ханств. Рассматриваются политика Петра I, неудачная миссия А. Бековича-Черкасского. Анализируются цели политики в регионе. Работа опирается на опубликованные источники XVIII в., а также подробно представлены материалы неопубликованного источника из архива ИРИ РАН. Дана попытка анализа данного источника, установление датировки и авторства документа. Изучение данного источника позволяет сделать выводы о перспективах взаимоотношений Уральского региона с Азиатскими ханствами. Статья дает возможность изучить ошибочность некоторых выводов в планировании военных походов на территорию ханств, а также проследить эволюцию изменения роли ханств для внешней политики Российской империи в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Российская империя; Средняя Азия; ханства; Хива; Петр I.

В современной исторической науке введение в научный оборот новых письменных исторических источников по истории XVIII в. не является уникальным явлением, так как огромные массивы источников данного периода уже проанализированы и активно используются. Однако целый ряд источников, связанных с историей взаимоотношений России и Средней Азии, до сих пор остаются малоизученными. Это является особым упущением в контексте анализа активного развития данных взаимоотношений именно с начала XVIII в. Данное направление активно развивал Петр I, впервые в истории организовав разведывательные экспедиции в Хивинское и Бухарское ханства.

Естественно, главной целью Петра I в этом направлении являлся поиск пути в Индию, о несметных богатствах которой он грезил с начала своего правления. Однако именно территории азиатских ханств стали своего рода «буферной зоной» между желаниями монарха и территорией Индии, колонизацией которой активно занималась Британская империя.

Осознание невозможности активной экспансии в Индию без установления дипломатических отношений с ханствами вынудило Петра I на решительный шаг по реализации экспедиций и дипломатических миссий, положивших начало изучению региона азиатских ханств, а также анализу перспективы торгово-экономических взаимоотношений.

На сегодняшний день особенно интересным становится изучение данного периода с учетом знания истории активной экспансии Российской империи в этот регион в XIX в.

Политическая ситуация в России в первой половине XVIII в. характеризуется главным образом петровскими преобразованиями и Северной войной. Реформы, осуществленные Петром I, оказали глубокое влияние на последующее развитие России.

Российская империя первой половины XVIII в. существенно отличалась от отсталой в хозяйственном, военном и культурном отношении России XVII столетия. Отличалась как наличием более развитой промышленности, централизованными и упорядоченными

ми административными учреждениями, так и первоклассными армией и флотом, светскими школами и общим подъемом науки и культуры.

Основной задачей внешней политики России после Азовских походов стало овладение берегами Балтийского моря, находившимися во власти шведов.

Политика же России в районе Каспийского моря и Закавказья диктовалась серьезными экономическими и политическими интересами:

1. Через Астрахань были установлены торговые связи со среднеазиатскими ханствами, а также с Ираном и Закавказьем. Турция, пользуясь ослаблением Ирана, стремилась расширить свои границы на Кавказе, что представляло угрозу для русских в Прикаспии.

2. Армяне и грузины неоднократно просили русское правительство принять их в русское подданство для защиты от иранского и турецкого гнета.

3. Окончание Северной войны позволило России активизировать свою политику в этом районе. В первой четверти XVIII в. укрепляются связи России с народами Закавказья. Армения, Грузия и Азербайджан издавна являлись для турок и иранцев объектами грабежа и жестокой эксплуатации [1. С. 205].

Однако в Центральной Азии русское правительство потерпело неудачу.

Первая попытка проникновения в Хорезм была предпринята именно Петром I в 1714–1717 гг. Петр послал небольшую экспедицию под начальством А. Бековича-Черкасского в Хиву. Князю было поручено склонить хивинского хана в русское подданство, а бухарского – к дружбе с Россией.

Экспедиция была неудачной, и почти все её члены погибли. После неудачной попытки уничтожить экспедицию Бековича-Черкасского в открытом бою хивинский хан решил достичь этой цели иным путем. Он убедил Черкасского разделить свои вооруженные силы на несколько частей якобы для лучшего обеспечения войска квартирами и продовольствием. Когда это было сделано, русские разделенные отряды подверглись вероломному нападению и были вырезаны.

Петра I прельщала возможность вновь изменить русло Амударьи и тем самым открыть доступ в Кас-

пийское море с возможным ведением торговли с отдаленными странами, а также поиск пути в Индию.

В 1713 г. из Хивы для встречи с Петром приехал некий Ходжа Нефес, который впоследствии поведал ему о плане овладения Хивой: для этого достаточно повернуть Амударью в старое русло, в Каспий, куда она и изливалась до тех пор, пока хивинцы, испугавшись бесчинств на море казаков Разина, не перегородили старое русло плотиной и не пустили реку в Арал. Также поведал он о золотом песке, который будто бы добывается при Амударье [2. С. 161].

Ходжа завлекал царя верноподданическими уверениями и золотым песком, не подозревая, что наибольшее впечатление произвели на Петра слова о перекрытом русле Амударьи и возможности повернуть ее обратно в Каспий, а следовательно, имея флот, проникнуть вглубь Азии и в Индию.

Начальником экспедиции от Астрахани в Хиву избран был лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручик князь Александр Бекович-Черкасский. По данным архивных документов от 14 февраля 1716 г. Петр поручил князю Бековичу целый ряд задач, которые надлежало выполнить во время похода в Хиву [3. Л. 58–61]. Проанализировав данный источник, можно выделить следующие задачи:

1. Исследовать прежнее течение Амударьи и, если возможно, опять обратить её в старое русло.
2. Склонить хивинского хана в подданство.
3. На пути к Хиве, и особенно при устье Амударьи, устроить, где нужно, крепости.
4. Утвердившись там, вступить в сношения с бухарским ханом, склоняя и его к подданству.
5. Отправить из Хивы, под видом купца, поручика Кожина в Индостан для проложения торгового пути, а другого искусного офицера – в Эркет для разыскания золотых руд.

Цели, поставленные перед Бековичем-Черкасским, создают впечатление удачной разведывательной и неагрессивной политики по отношению к Хиве. Однако перед исследователями открытым остается вопрос о неудаче данной миссии: является ли ключевым субъективный фактор личности князя, сыграли ли свою роль суровые погодные условия или же виной поражения первой Хивинской миссии России является агрессивная политика хана.

Почему же именно Хива стала объектом столь пристального внимания во внешней политике России? Именно Хивинское ханство вело наиболее агрессивную политику и являлось, несмотря на серьезное политическое влияние Бухары, негласным лидером в регионе. Заключение мира с Хивой означало подчинение всех Азиатских ханств, которые вели друг с другом ожесточенное противостояние.

Приведем заключение по итогам экспедиции генерал-лейтенанта Шуберта и начальника отделения полковника Фолтон-де-Верасона: «По соображении вышеупомянутых обстоятельств нельзя не вынести следующего заключения:

1. Что поход чрез безводную и бескормную степь, на расстоянии 1 350 верст, пройденных в два месяца

без всяких промежуточных пунктов, где бы были сделаны запасы, даже с трехтысячным отрядом и артиллерией русскому войску возможен.

2. Что хивинцы с 24 тысячами свежих всадников не могли расстроить утомленное изнурительным походом войско в 10 раз их слабейшее и, наконец,

3. Что неудачная развязка похода была делом случая и крайней неосторожности князя Бековича» [4. Л. 9–16].

Нельзя не согласиться с данным заключением. Возможность успеха первой Хивинской экспедиции, снаряженной Петром I, была крайне высока. Однако ряд субъективных факторов, таких как личностные качества начальника экспедиции, неподготовленность к незнакомым погодным условиям, агрессивное и бесчестное ведение военных действий Хивинским ханом, привели к полному провалу миссии.

Современные исследователи данной проблемы также считают, что Бекович прекрасно осознавал все риски предприятия, а основная причина, по которой он позволил хивинцам обмануть себя, – это не что иное, как отсутствие альтернативы и истощенность сил отряда [5. С. 12–20].

Интересно, что многие последующие карательные экспедиции и экспансии российское общественное мнение воспринимало как «месть за Бековича».

В данный период еще нельзя говорить даже о начальном этапе складывания дипломатических отношений между Россией и Хивой, так как международная политика была обусловлена в основном вооруженными конфликтами и противоречиями. Все попытки переговоров сводились к агрессии, а финальная попытка стоила жизни практически всему войску.

Однако невозможно однозначно судить о бесполезности данной миссии.

Первая Хивинская экспедиция стала своего рода разведывательной операцией для будущих правителей, которые направят вектор своей внешней политики на Хивинское ханство. Она показала важность природно-климатического фактора и главенство роли личности в данном вопросе.

Кроме того, первая экспедиция показала необходимость не столько военной, сколько мирной дипломатической экспансии, а также установления взаимовыгодных торгово-экономических связей.

Начиная с катастрофического похода Бековича-Черкасского Россия продолжала снаряжать экспедиции в Центральную Азию, направляя послов и дипломатов как в Хиву, так и в два других узбекских ханства: Бухарское и Кокандское, между которыми в тот период шла открытая и жестокая конфронтация. Реакция правительства на поход Бековича была относительно безразличной, возможно, это было связано с тем, что неудача породила преувеличенные понятия о трудностях похода в Хиву [6. С. 3–10].

10 октября 1717 г. Петр I принял бухарского посла. Посол поздравил царя с победой над шведами и просил от имени эмира прислать в Бухару «девять шведок» и отправить послом «разумного человека». Петр воспользовался случаем и назначил послом в Бухару весьма образованного итальянца, служившего секретарем ори-

ентальной экспедиции посольского приказа, по имени Флорио Беневени. Ему поручено было утвердить русское влияние в Бухаре и «буде возможно заключить с нею оборонительный альянс» [6. С. 10].

Ф. Беневени приходит к выводу о невозможности заключения военного соглашения с Бухарой: «...а ежели б... та ханская и всего его двора и всех озбеков к тому склонность была совершенная, и то в дело поставить невозможно... что оной народ по природе весьма непостоянный и обманливый и что в первом часу говорит, на другой час от того запирается» [7. С. 23].

В марте 1723 г. он просил у Коллегии иностранных дел разрешения покинуть Бухару, так как считал свою миссию выполненной. Но разрешение на отбытие он получил лишь в 1725 г. Бухарские чиновники по разным причинам не давали разрешения на выезд, и Беневени стал искать способ побега. «...Хивинской хан Ширгазы... (тот же, которой был во время князя Бековича), – сообщает Ф. Беневени, – писал ко мне не-единократно и секретно... призывая и увещевая, чтоб я ехал чрез Хиву и его земли... без всякого сумнения, и обещал мне свободной проезд с пристойною честию и с провожатыми до границ российских, не нанося никакого вреда и убытка... И понеже я никою мерою не хотел верить лживым обещаниям и предательным еловым Ширгазы хана, для того добрым способом всегда извинялся, что я не мог воспринять такой путь...» [Там же. С. 27].

Несмотря на эти сомнения, это был единственный возможный вариант, 8 апреля 1725 г. Беневени бежит в Хиву.

Хивинский хан Ширгазы после Персидского похода искал примирения с Россией, опасаясь мщения за разгром экспедиции Бекович-Черкасского. В августе 1725 г. он направил в Россию вместе с русским посланником своего посла для примирения. «...в 23 дни, из Хивы к Яику, к Гурьеву городку, 30-го августа прибыл... где принужден был 8 дней по-отдохнуть». Вместе с ним прибыли 92 пленных участника похода Бековича. В декабре после семилетнего одиночного посольства Беневени прибыл в Москву с грамотами бухарского и хивинского ханов к Петру I, однако того уже не было в живых. Через два года Беневени отпускают на родину, откуда он на службу в Россию уже не возвращался [Там же. С. 30].

Таким образом, дипломатические отношения России и Хивы постепенно восстанавливались. Однако здесь скорее стоит говорить об уступках России. Удачным завершением своей миссии Беневени однозначно должен был быть обязан противостоянию Хивы и Бухары.

Любопытно отметить, что подобное положение дел в начале XVIII в. вынуждало многих «ученых мужей» того времени искать способ установления выгодных для Российской империи связей с ханствами.

Возможность изучить подобные изыскания дает нам уникальный документ, обнаруженный в архиве Института российской истории Российской академии наук (г. Санкт-Петербург) [8].

Само название данного источника «Способы на ведение коммерции в городах великого Могола в го-

роде Балхе, который ныне есть пограничное, а прежде его был под владением помянутого Могола, и надлежал Индии. В Бухарию и в прочие города или провинции к ней принадлежащие, како ж в Хиву и другие места» позволяет исследователю понять экономический подтекст документа.

В результате исследования было выявлено, что временем составления данного документа является 1727 г. В тексте не раз упоминается о событиях, которые разворачивались в «бухарах» в бытность там «посланника Его Императорского величества при помянутом Хане Абдулфеизе» (имеется в виду бухарский хан Абулфейз-хан (1687–1747)). Несомненно, в документе упоминается Флорио Беневени, находившийся в то время в Бухаре. Наиболее точно на датировку документа указывает фраза «ныне два года мунуло, как помянутый посланник выехал из Хивы» [Там же. Л. 1–2]. Разрешение на отбытие из Хивы Беневени получил в 1725 г., что совпало со смертью Петра I.

Таким образом, на момент написания документа Флорио Беневени уже отбыл из Российской империи. Кроме того, на датировку документа явственно указывает отсутствие упоминания в нем других экспедиций в Хиву или Бухару. Среди известных миссий выделяется «Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным» [9], о которой в документе не упоминается ни слова. Кроме того, необходимо отметить, что в документе очень ярко представлена историческая память о неудачном походе Бековича. Автор с сожалением говорит о провале миссии и обращается к «Его Величеству» с просьбой об отмщении. Это свидетельствует о двух фактах: во-первых, после неудачного похода прошло еще совсем мало времени и общественность не оправилась от потрясения, а во-вторых, обращение к государю в мужском роде: «ежели бы Его Величество изволил чинить справедливое свое отмщение над Хивою» определенным образом указывает на личность Петра II, взошедшего на престол в 1727 г.

Таким образом, источник не мог быть составлен позже 1740 г., а более конкретные факты, указывающие на время написания, позволяют сделать вывод о 1727 г.

Наиболее серьезной проблемой является установление авторства документа. В ходе исследования было сделано предположение о принадлежности авторства российскому государственному деятелю В.Н. Татищеву.

В.Н. Татищев мог иметь определенное представление о выгоде торговых отношений со Средней Азией, занимаясь во время своей деятельности на Урале пропускной системой для Ирбитской ярмарки, на которую съезжались представители купечества не только из Центральной России и Сибири, но и из Китая, и Средней Азии.

Любопытно отметить факт из биографии В.Н. Татищева, подтверждающий его заинтересованность в данном регионе. Кроме составления им книги «Северо-восточная часть Европы и Азия», спустя десять лет после появления на свет упомянутого источника, 26 мая 1737 г., он выехал из Екатеринбурга в Мензе-

линск, а оттуда в Самару, в штаб-квартиру Оренбургской экспедиции. Экспедиция имела большое значение в осуществлении политики России в Средней Азии и Казахстане и в освоении и изучении Оренбургского края. Именно в это время работы в Оренбургской комиссии Татищев приступил к составлению «Общего географического описания всея России», куда вошли многочисленные сведения и по Оренбургскому краю [10. С. 10–11].

Конкретное указание на автора мы получаем из книги Нила Александровича Попова, известного русского историка середины XIX в., изучавшего жизнь и деятельность В.Н. Татищева: «Потом у Татищева была еще рукопись, пожертвованная им также в библиотеку Академии Наук под следующим заглавием: Способы на ведение коммерции в городах великого Могола в городе Балхе, который ныне есть пограничное, а прежде его был под владением помянутого Могола, и надлежал Индии. В Бухарию и в прочие города или провинции к ней принадлежащие, како ж в Хиву и другие места» [11. С. 566].

Несмотря на конкретные указания, авторство данного документа остается под сомнением. Проблема графологического анализа почерка В.Н. Татищева заключается в большой вероятности диктовки документа. Не исключается существование документа в нескольких списках. Факт известности его в XIX в. подтверждается совпадением анализа Н.А. Попова с современным анализом.

Тем не менее это единственный факт упоминания и изучения данного документа, имеющего в себе конкретные прогнозы о завоевании Хивы. Любопытно, что обращение Н.А. Попова к данному документу не случайно, так как его значение актуализировалось с обострением внешнеполитической ситуации в регионе: в 1861 г. российская армия вела активные военные действия в Коканде, пытаясь восстановить свой авторитет после провального хивинского похода 1839 г.

Анализ документа в полной мере демонстрирует актуальность вопроса о ханствах. В соответствии с политикой Петра I и согласно мнению автора документа, именно нестабильная ситуация в Средней Азии является ключевой причиной, затрудняющей торговлю с Индией [8. Л. 4–5]. Поражает осведомленность автора как о внутривосточной ситуации в ханствах и всем регионе, так и о докладах Беневени, что также наводит на мысль о высоком статусе автора.

Изменение ситуации в регионе автор связывает с ослаблением власти в Бухаре и началом усиления кочевых узбеков («озбеков»), что приводит к раздробленности и обособленности отдельных провинций – главным образом Бадахшана. Отдельно присутствуют указания на существование у узбеков своего собственного хана, не подчиняющегося Бухаре. Ряд обособленных территорий, в том числе Ташкент, автор относит к владению чагатаев, отделяя их от узбеков. Любопытно отметить также, что в противостоянии между узбеками и «туркменцами» автор винит Абдулфеиз-хана и его децентрализованную власть [8. Л. 8].

В отдельную категорию риска выделены «киргизские казахи», или киргиз-кайсаки, представлявшие серьезную угрозу для положения в регионе. Именно этот этнос занимался поставками пленников в Хиву, захватывая их на подвластных Российской империи территориях. Кроме того, в документе упоминаются так называемые «черные калмыки» (т.е. джунгарцы), противостоящие киргизской орде и контролирующей территории от Кашгара до Самарканда. Описывается острая ситуация с возведением на самаркандский престол хивинского царевича Раджаб-хана, ведущего активную политику против Бухары, что, однако, не привело к положительному результату в силу раздробленности узбекских племен.

Подробному описанию противостояния узбекских родов выделено главенствующее место в документе, подробно рассмотрен период до нашествия Надиршаха, что также свидетельствует о составлении документа до 1740 г.

Весь подробный исторический фон, представленный автором документа, демонстрирует возможность использования сложившейся ситуации российской коммерцией. Автор говорит о том, что ситуация вышла из-под контроля в последние два года, с момента возвращения посланника, и сегодня нельзя с точностью сказать, кто является правящей верхушкой в Бухаре. Однако автор уверен, что «ежели ныне в Бухарах государствует какой другой Хан доброго поступка, человек мужественный, ратный и всю власть имеющий; то можно свободно надеяться счастливой коммерции ради российского народу как в Могол в Индию, так и во всех других странах, при сем вышеупомянутых» [Там же. Л. 12].

Таким образом, ханства не являлись для Российской империи XVIII в. самоцелью внешней политики. Ситуацию в ханствах предполагалось использовать для развития торговли с Индией и реализации долгосрочного плана Петра Великого.

Кроме того, в силу хорошей осведомленности джунгарских (калмыцких) правителей о волнениях и беспорядках в государстве аштарханидов (Бухарское ханство) автор указывает на возможность захвата ими власти и считает это благоприятным для Российской империи, ссылаясь на сведения Беневени: «наилучше, ежели да он Хан и совершенно до ныне завладел той землею; токмо бы Его Императорское Величество соизволил обойтись с ним доброю корреспонденцией, понеже он Хан того всем сердцем желает, как посланник его имел случай дать знать российскому посланнику будучи в бухарах» [Там же. Л. 14].

Касательно экономических взаимоотношений с ханствами автор настроен достаточно скептически, отмечая, что Хива и Бухара зависят от российских купцов и нуждаются в российских товарах. С прекращением торговли из-за случая с Бековичем в ханствах произошел спад экономики и «обнищание». Автор видит перспективу в дальнейшем развитии торговли, отмечает ее несомненную прибыльность и заинтересованность ханств в торговых отношениях, однако выстраивание торговых отношений затруднено тем, что правительство Хивы ожидает от Российской им-

перии мести за князя Бековича: «...опасаясь, дабы по времени когда его Императорское величество пожелает учинить отмщение [как все чаяли в бытность там посланникову] над землею хивинскою» [8. Л. 15–16].

Исходя из содержания документа, мы видим, что российская общественность ждала карательной экспедиции в Хиву от нового государя. Ситуация осложнялась и тем, что, по мнению автора, не могло быть речи об успешной коммерции, пока с Хивой и Бухарой не будет заключен дружественный договор, что в свою очередь невозможно, так как повредит авторитету Российской империи: «Однако ж сие примирение с Хивою народу российскому поставится в немалое умаление славы при тамошних народах, и не будет от них почитано мужество российское, так как прежде всего они не токмо солдата, но и последнего купца почитали; и будут имети всегда причину говорить, якобы россияне потеряли свой кураж лишився монарха своего Петра Великого, которого имя гремело даже в Индиях и все тамошние земли страх имели» [Там же. Л. 17].

Проблема в заключении договора о торговле видится автору в том, что без новой карательной экспедиции и «справедливого отмщения» никакое соглашение не гарантирует безопасности российским подданным на территории ханств.

Таким образом, документ условно делится на две части. Первая посвящена внутривосточной ситуации в регионе, обоснованию необходимого контроля над ханствами и перспективам ведения коммерции с Индией посредством ханств. А вторая – аргументации о необходимости военного похода, его планировании и реализации: «А ежели бы Его Величество изволил чинить справедливое свое отмщение над Хивою то конечно, не токмо в тех землях возставилось почтение и слава российскому народу, от которого имели тамо и страх; но еще утвердил бы на постоянном фундаменте благопохвальную коммерцию всех полуденных Индиев и сухим и водяным путем» [Там же. Л. 18].

Успешная карательная экспедиция в Хиву, по мнению автора, обеспечит стабильные взаимоотношения с Бухарой, защитит российских подданных, проживающих на смежных территориях, а также христианскую веру от «бусурманской». Кроме того, в документе выделяется целый ряд причин, по которым стоит произвести не просто карательный поход, а полностью овладеть Хивинской землей:

1. Создание в Хиве торговой базы для ведения коммерции с Индией.

2. Уничтожение «джелозии» (т.е. джизии: налог с немусульманского населения), от которой страдает немусульманское население ханства.

3. Снятие «варварского ига озбеков» с азиатских народов.

4. Контроль над торговлей и снижение рисков для купеческих караванов в связи с увеличением числа грабежей и убийств на караванных дорогах.

Исходя из данных целей, автор представляет невозможным отказ от завоевания Хивы и предлагает конкретные меры для реализации этих намерений (в перечне советов и рекомендаций используется негатив-

ный опыт похода Бековича. Возможно, что если бы при подготовке зимнего похода 1839 г. использовались именно эти рекомендации, а не сведения майора Бланкенагеля и полковника Берга, то присоединение Хивинского ханства не затянулось бы до 1873 г.):

1. Необходимость ведения похода с помощью небольшого войска, соотносимого по численности с войском князя Бековича, что обосновывается невозможностью прокормить большое войско на скудных территориях ханств.

2. Признание отсутствия возможности генерального сражения с хивинцами из-за понимания ими технического превосходства русской армии.

3. Призыв к службе каракалпаков, проживающих на границе с Хивой, изгнание узбеков с территории ханства и заселение земель более лояльными к Российской империи каракалпаками.

4. Закладывание крепости на Амударье.

5. Освобождение дороги от Яика до Хивы и формирование поставок амуниции российским гарнизонам.

6. Осуществление обманного маневра для секретного наступления на Хиву: освобождение смежных территорий от «казахской орды», что обосновывается необходимостью ведения коммерции с Хивой и Бухарой.

7. Необходимость уничтожения «казахской орды» (имеются в виду киргиз-кайсаки) обосновывается также распространением работорговли в ханствах, а кроме того, обеспечением безопасного прохода в Хиву и Бухару как купцов, так и войск.

8. Для осуществления похода предлагается воспользоваться старой караванной дорогой от Яика к р. Сиир (имеется в виду р. Сырдарья), благодаря которой можно добраться до Бухары за 25 дней. Или дорогой от г. Тобольска к г. Туркестану с переправой через Сиир за 22 дня.

По мнению автора, одним из ключевых пунктов успешных торгово-экономических отношений являются построение коммуникаций в Каспийском море и «организация дорог над Аральским морем» (а также строение там судов) для ведения успешной торговли со странами Востока путем использования навигации по рекам Амударья и Сырдарья. Однако осуществлению подобных планов помешает политика Хивы, направленная на сбор джизии и контроль территорий. Таким образом, заключает автор, «установлению спокойной и полезной коммерции в оных странах генерально, надобно б обладать землею Хивинскою» [8. Л. 19–20].

В заключении автор делает вывод, что на сегодняшний день этапе ведение коммерции с ханствами возможно, только учитывая высочайшие риски, а также использование грамотных проводников и солдат астраханского гарнизона. В любом караване помимо самих купцов необходимо иметь до сотни вооруженных яицких казаков, что позволит сделать караванные пути более безопасными. Предлагается использовать караваны для добычи полезных сведений о коммерции с Индией.

Данный исторический источник является уникальным документом, позволяющим заключить, что уже в начале XVIII в. завоевание Хивинского ханства считалось необходимым и неизбежным. Таким образом,

после возвращения Беневени из Бухары Российская империя обладала достаточными сведениями о ханствах. Как известно, впервые сведения о хивинских пленниках и внутривосточной ситуации среди ханств в XVIII в. мы более подробно получаем из отчетов Гладышева и Муравина, а миссия Бланкеннагеля завершает XVIII в. в полной уверенности в необходимости завоевания Хивы. Это приводит к Зимнему походу 1839 г., закончившемуся катастрофой из-за неправильной интерпретации полученных сведений, дополненных в первой четверти XIX в.

Традиционно считается, что впервые открытое предложение о завоевании Хивы было озвучено майором Бланкеннагелем в 1795 г.: «...Нет нужды вооружать флота, посылать большие войска, употреблять великие издержки и проливать кровь; словом – овладение Хивою не будет стоить нам почти ничего, а сие ничего доставит России великие сокровища и, что лестнее, доставит народам тамошним безмятежность и спокойствие. Главнейшее затруднение в овладении Хивинскою областью состоит в том, чтобы туда пробраться; но если надлежащие меры приняты будут, то проход туда делается весьма удобным. Я осмеливаюсь утвердительно сказать, что с пятью тысячами человек можно, без затруднения взять все хивинские

владения, хотя Осбеки и прочие народы и стали в том препятствовать; но, для безопасности и к лучшему всех тамошних стран в спокойствии и тишине удержанию, можно бы туда переселить еще несколько тысяч казаков, а после того уже нечего будет опасаться» [12. С. 20].

Однако представленный выше документ позволяет сделать вывод не только о великолепной осведомленности о Хиве уже в начале XVIII в., но и о конкретных планах завоевания.

Сегодня мы можем пересмотреть существующую традицию, так как Российская империя уже в начале века обладала достаточными сведениями и серьезными планами по завоеванию Хивы, опираясь на которые, можно было совершить успешный поход на 100 лет раньше. Стоит, однако, заметить, что в XIX в. происходят смена приоритетов во внешней политике России и признание Британской гегемонии в Индии. Таким образом, если целью политики XVIII в. был захват территории ханств и создание там плацдарма для экспансии в Индию, то с течением времени ханства становятся самоцелью и начинают играть роль контраргумента на усиление Великобритании в регионе в зарождающемся противостоянии «Большой игры».

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирная история. Энциклопедия. М. : Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1958. Т. 5. 830 с.
2. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Л. ; М. : Книга, 1928. Т. 5. 418 с.
3. Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 35. Ч. 1. Л. 58–61.
4. Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 1087. Д. 612. Л. 9–16.
5. Андреев А.А. Русло Амударьи, «песочное золото» или политика Петра Великого в Средней Азии // Петровское время в лицах – 2011: Труды Государственного Эрмитажа. XLVIII : материалы науч. конф. СПб., 2011. С. 12–20.
6. Терентьев М.А. Хивинские походы русской армии. М. : Вече, 2010. 448 с.
7. Воловников В.Г. Посланник Петра I на Востоке. М. : Наука, 1986. 159 с.
8. Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Д. 410. Л. 1–21.
9. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 гг. Гладышевым и Муравиным. СПб., 1851. 85 с.
10. Березина Г.П. Исследователи Оренбургского края. Оренбург, 1980. 21 с.
11. Попов Н.А. В.Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия / Сочинение Нила Попова. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. : Типография В. Грачева и Ко, 1861. 803 с.
12. Замечания майора Бланкеннагеля впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793–94 годах / Бланкеннагель. М. : Книга по Требованию, 2012. 32 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 апреля 2016 г.

PROBLEMS OF TRADE AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN EMPIRE AND CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 78–84.

DOI: 10.17223/15617793/408/11

Kochnev Anton V. Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: a.kochnev.usu@gmail.com

Keywords: Russian Empire; Central Asia; Khanates; Khiva; Peter the Great.

In the early 18th century the Russian Empire was a powerful state experiencing a cultural and scientific boom and possessing a developed industry, structured and centralized administration, high-qualified armed forces, including the navy, and secular education. That state differed dramatically from the 17th-century Russia that fell behind time in economy, warfare and culture. In the 18th century, Russian diplomacy started to move in a new direction, of critical importance for Russia, towards relations with Asian states. For the whole century Russia was opposed by Central Asian Khanates, mainly by the Khiva Khanate. In this area, it was the expansion to India that had been put forward by Peter the Great as the main objective. The Russian emperor viewed the British colony as a land of immense riches. But the Khanates laid down as a buffer zone between the emperor's ambitions and the area that actually represented the sphere of influence of the British Empire. However, any kind of expansion to India was impossible without the establishment of diplomatic relations with the Khanates. Having realized that, Peter the Great set a course for active penetration into the region by means of expeditions and diplomatic missions, which opened the era of Central Asian studies in Russia and provided a demand for a thorough analysis of bilateral trade and economic cooperation perspectives. For Russia-Khanates 18th-century relations studies, the introduction of new primary sources into scientific use is both a necessity and a great chance for a researcher. Although a great number of the 18th-century documents have already been revealed and for contemporary historical studies it is definitely not a complete

singularity, plenty of sources related to Russia-Central Asia ties are still unexposed. One could view this as a considerable omission, as it was the 18th century, when the relations actually started to evolve. The course of Russia-Khiva relations in the beginning of the 18th century stimulated many Russian scholars of that time to seek the most favorable means of interaction with the Khanates. A great opportunity to review these studies is provided by the analysis of a unique document discovered in the Archive of the Institute of Russian History (Russian Academy of Sciences, St Petersburg). As a result of such an analysis, it can be concluded that Russian political and military elite in the early 18th century was not only well-informed on Khiva, but developed the plans of military expansion as well.

REFERENCES

1. Zhukov, E.M. (ed.) (1958) *Vsemirnaya istoriya* [World history]. Moscow: Izd-vo sots.-ekonom. lit-ry.
2. Rozhkov, N.A. (1928) *Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii (osnovy sotsial'noy dinamiki)* [Russian history in the comparative-historical aspect (social dynamics bases)]. Leningrad; Moscow: Kniga.
3. Central State Military History Archive. Fund VUA. File 35. Part 1. Pages 58–61. (In Russian).
4. Central State Historical Archive of Georgia. Fund 1087. File 612. Pages 9–16. (In Russian).
5. Andreev, A.A. (2011) [The bed of the Amu Darya, “sand Gold” or the policy of Peter the Great in Central Asia]. *Petrovskoe vremya v litsakh – 2011: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha XLVIII* [Peter's time in persons – 2011: Proceedings of the State Hermitage 48]. Proceedings of the conference. St. Petersburg. pp. 12–20. (In Russian).
6. Terent'ev, M.A. (2010) *Khivinskie pokhody russkoy armii* [Khiva campaigns of the Russian army]. Moscow: Veche.
7. Volovnikov, V.G. (1986) *Poslannik Petra I na Vostoke* [The Messenger of Peter I in the East]. Moscow: Nauka.
8. Scientific and Historical Archive of St. Petersburg History Institute, RAS. Fund 115. File 410. Pages 1–21. (In Russian).
9. Khanykov, Ya.V. (1851) *Poezdka iz Orska v Khivu i obratno, sovershennaya v 1740–1741 gg. Gladyshevym i Muravinym* [The trip from Orsk to Khiva and back in 1740–1741 by Gladyshev and Muravin]. St. Petersburg: Tipografiya ministerstva vnutrennikh del.
10. Berezina, G.P. (1980) *Issledovateli Orenburgskogo kraya* [Researchers of the Orenburg region]. Orenburg.
11. Popov, N.A. (1861) *V.N. Tatishchev i ego vremya. Epizod iz istorii gosudarstvennoy, obshchestvennoy i chastnoy zhizni v Rossii, pervoy poloviny proshedshego stoletiya* [V.N. Tatishchev and his time. An episode from the history of the state, public and private life in Russia, the first half of the past century]. Moscow: Tipografiya V. Gracheva i Ko.
12. Blankennagel. (2012) *Zamechaniya mayora Blankennagelya vposledstvie poezdki ego iz Orenburga v Khivu v 1793–94 godakh* [Notes of Major Blankennagel after his trip from Orenburg to Khiva in 1793–1794]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu.

Received: 26 April 2016